

1 **КРУГОГОР** 73

ДОРОГА ЖИЗНИ

Тридцать лет назад, в январе 1943 года, советскими войсками была прорвана блокада Ленинграда.

«Мы думали маршировать по улицам Ленинграда к 1 августа, — записал в дневнике 8 сентября 1941 года, в день установления блокады, гитлеровский оберлейтенант Генрих Эльман. — Черта с два! Русские все больше удивляют нас своим упорством. Бьются до последнего патрона. Невиданное, неслыханное, дьявольское упорство! Похоронные команды делают кладбище за кладбищем для наших солдат и офицеров». Несколько дней спустя Генрих Эльман был убит на берегу Новолadoжского канала.

Неудавшийся захват города Гитлер пытался объяснить своей дальновидностью: «Ленинград мы не штурмуем сейчас сознательно. Ленинград выжрет самого себя!» «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли», — говорилось в секретной директиве фашистского командования под названием «О будущем города Петербурга».

В предместьях Ленинграда была свезена дальнoбойная артиллерия чуть ли не со всей оккупированной Европы.

Продолжение на стр. 5

В перекрестье прожекторных лучей лежит на озерной зыби большой плот. Он сделан в виде гитары. Грифом уткнулся в берег, с противоположной стороны встал белый парус яхты, как задник в небывалом театре. Уже полночь, долго налаживали электрический кабель, протянутый от железной дороги, но туристы, самый терпеливый на свете зритель, не покидают крутого склона.

Сбежал по грифу-сходенкам юноша в штормовке. Поправил на груди гитару — она еще меньше от соседства той, огромной. Приблизился к микрофону. Молчат Жигулевские горы. Ждут, что споет этот юноша?..

Жил хороший парень Валерий Грушин. Жил в городе Куйбышеве, учился в авиационном институте. Любил ходить в походы. Не просто ходил. Возвращаясь с края света, созывал друзей и пел им песни. Не свои (сам он песен не писал), те, что услышал от попутчиков и встречных. Бывал озабоченным и веселым, замкнутым и общительным — впрочем, эти полярные, кажется, качества характера существуют почти в каждом из нас в пору студенчества, когда общение с вечными истинами, серьезные занятия наукой перемежаются бесшабашной суетой общежития, пятнами костра на влажной от росы палатке.

Войны он не помнил и не мог помнить: он родился намного позднее и в силу этого вряд ли представлял себе ситуацию,

РОВЕСНИКОВ СЛЕДЫ

в которой ему потребовалось бы рискнуть всем ради кого-то. Валерий Грушин не думал об этом, пока не выпала ему на туристском маршруте бойкая саянская речка Уда. Но, наверное, он не думал об этом и тогда, когда к нему донесли с быстрины крики о помощи. Он просто не успел подумать об этом: тонули ребята, и надо было их спасать. Он вытащил сначала одного, и на второго еще достало сил...

На фестивале памяти Грушина почти не было грустных мелодий. Звучали песни, чем-то похожие на своих авторов и своих исполнителей. Ясные и честные, немного неуклюжие. Песни о земле, которую нужно ближе узнать, чтобы сильнее полюбить. О муках творчества — без них невысказано любое, даже самое простое дело. Песни о следах ровесников — они есть, эти следы, важно лишь отыскать их.

Памятник — какое высокое, но какое холодное слово. Холодное, как гранит. А память должна быть живой и теплой, как рукопожатие.

Эти слова произнес в палаточном городке в день открытия фестиваля один из друзей Валерия Грушина.

Звуковая страница поможет слушателям «Кругозора» ощутить атмосферу этого живого праздника песни.

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»
Жигули, Мастроковские озера

Л. И. БРЕЖНЕВ

Молодежь ценит подвиг своих отцов, но и сейчас не меньше, чем прежде, нужны и самоотверженность, энтузиазм, и преданность идеалам, и готовность к подвигу. Вам защищать завоеванное вашими отцами, вам воплощать в жизнь грандиозные планы коммунистического строительства. Это почетная, ответственная и вдохновляющая задача. И поверьте — придет время, и вам, молодежи 70-х годов, вашим делам и свершениям будут завидовать ваши дети и внуки.

Из речи
на XVI съезде
ВЛКСМ

Слушайте
песни
«Хочется жить»,
«Ровесников следы» и «Мне
нужно построить огромный доль».

Поют
лауреаты молодежного конкурса
Владимир Муравьев, выпускник
Казанского медицинского института,
и Александр Дольский (справа),
кандидат наук,
специалист по экономике
строительства новых городов.

СХВАТКА НА БУРОВОЙ

ПЯТИЛЕТКА:
ГОДЫ И МИНУТЫ

2

Создать в Западной Сибири крупнейшую в стране базу нефтяной промышленности; довести в 1975 году добычу нефти не менее чем до 120 — 125 млн. тонн... Ускорить разработку мощных газовых месторождений на севере Тюменской области.

Из Директива XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 годы

...До полуночи оставалось пятнадцать минут, заканчивалась очередная вахта буровиков.

Вдруг могучий столб газа и нефти взметнулся вверх. А через секунды вспыхнул от случайной искры. Огненная пурга высотой более ста метров — это даже представить трудно.

Так возник Варьеганский открытый фонтан — один из самых мощных и яростных в практике газонефтеразведки...

Геологи давно утверждают, что вся Западная Сибирь плавает на нефти и газе. А нынче над тюменской тайгой — паруса. Паруса особые, стальные: отметки новых буровых вышек. В прошлом году, втором году пятилетки, здешние скважины дали больше 62 миллионов тонн нефти и 11 миллиардов кубометров газа. И уже тянутся через полстраны трубопроводы, железные дороги и линии электропередач, уже поднимаются города Нижне-Вартовск, Нефтеюганск, Надым, превращая Западную Сибирь в обжитой край нефтяных фонтанов — «Третье Баку».

Разные бывают фонтаны. Рождаясь на большой глубине, они отбирают нефть у многих земных пластов или возникают близ поверхности земли, нетерпеливо вынося струю газа. На крупнейшей же газовой залежи планеты — Уренгое — можно встретить фонтаны обоих видов. Но у них одно общее: мощь происходящих в глубине земли процессов. Узкая скважина словно притягивает к себе все неистовство планетарных сил. И время от времени подземная стихия вырывается на свободу.

Что я почувствовал, впервые увидев Варьеганский фонтан?

Самоотверженность людей, новейшее противопожарное оборудование, авиация стали заслоном на пути огненного фонтана. Скважина была спасена. Начальник работ Геннадий Махалин, спасатель Николай Григорьев, буровик Иван Гирия вспоминают об этих беспримерных часах мужества на второй звуковой странице.

Фото А. Лидова

Это было ощущение могущества природы. Тревожный разлив огня и ночью покрывал окрестную тайгу. Словно замороженные, шли прямо на пламя и обгорали в нем стаи перелетных птиц. Река Аган, дымящаяся горячим паром... Неистовый и бесконечный гул... Дрожащие на земле походные вагончики.

С каким чувством я покидал Варьеганский фонтан?

Это было ощущение всемогущества человека. Усталые, измученные люди больше месяца не оставляли дальнюю таежную площадку. И Геннадий Махалин, руководивший борьбой с огненным фонтаном. И Иван Гирия, лауреат Ленинской премии, один из первооткрывателей знаменитого Уренгоя. И Герой Социалистического Труда Николай Григорьев, фронтовик, избравший и в мирное время опасную профессию усмирителя фонтанов. Спасатели, буровики, трактористы, радисты, пилоты...

Еще минуту назад бушевало пламя, стонала земля. Вдруг все стихло. Смолкли, словно переводя дух, реактивные противопожарные установки, остановили свой бег насосы, замолчали тракторы. И в эту неожиданную тишину вошел плеск речной волны, мерный шелест деревьев. Так кончаются сражения.

Издали послышался простуженный голос вертолета. Люди засобирались, заспешили домой, где семьи ждали их, как ждут возвращающихся из боя.

Они победили.

Евгений АНАНЬЕВ
Тюменская область

Из редакционной почты

Юрий КОТОВ,
электрик КамАЗа

ГОРОД БУДУЩЕГО — НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Я построю его, чтобы жить в нем.
Так жить,
Как читают стихи, — интересно!
Я в шершавые руки возьму этажи —
Подниму, чтобы не было тесно.
Автоград, автоград!
Ты и сын мне и брат.
Как тут зори без нас занимались?!
Вон, смотри, вьет кому-то гнездовье —
И рад! —
Мой строительный, башенный аист.
Знаю, будут крутые у нас виражи.
Так ведь мы с тобой —
В трудном полете.
После смены смеются твои витражи:
«Что ж вы, дядя,
Опять не поете?»
Но однажды и я в подсиненную ночь,
Все забыв, как глухарь близ глухарки,
Запою, затокую — сдержаться невмочь! —
Дивным сполохом электросварки.
То мечты моей
Искренний,
Искристый
Всплеск...
Я поймал тебя, синяя птица!
И, как в тысяче сказок,
В мой каменный лес
Повелел близ людей опуститься.
...Я построю его
Нелегко. И не вдруг.
Он во мне.
Он живет.
Он стучится.
А пока
С моих жарких обветренных рук
В ночь взлетают ручные жар-птицы.
Автоград, автоград!
Ты и сын мне и брат.
Как тут зори без нас занимались?!
Вон, смотри, подарил нам жилище —
И рад! —
Длинноклювый
Строительный
Аист.

ДЕВОЧКА В ПРОТИВОГАЗЕ

Только глянула — и сразу
Напрямик сказала твердо:
Не хочу противогаза —
У него слоновья морда!
Дочь строптивую со вздохом
Уговаривает мама:
— Быть капризной — очень плохо!
Отчего ты так упряма?
Я прошу тебе проказы
И куплю медовый пряник.
Походи в противогазе!
Привыкай к нему заранее...
Мама делается строже,
Дочка всхлипывает тихо:

— Не хочу я быть похожа
На противную слоницу.
Мать упрямец курносой
Подарить сушила краски,
И торчат льняные косы
С двух сторон очкастой маски.
Между стекол неподвижных
Набок свис тяжелый хобот...
Объясни-ка ей, что ближних
Люди газом нынче гробят,
Что живет она в эпоху,
Где убийству служит разум...
Быть слоном теперь неплохо:
Кто его отравит газом?

1. X. 1941 г.

ЗАВТРА

Когда над стропилами щели
Умокнул зенитные пушки,
Мы втащим узлы и постели
В убогие наши избышки.
Мы вычистим скарб этот жалкий
И щель нашу плугом запашем,
Посадим ночные фиалки.
На бомбоубежище нашем.
И, все забывая на свете,
С улыбкой посмотрим с террасы
Как наши беспечные дети
Играют осколками в «классы».
Положим на свежих могилах
Цветы и, как свойственно людям,
Вздохнем о покойниках милых,
Поплачем о них — и забудем!

«КУКУШКА»

Стоял на полянке, заросшей травой,
Фашистский солдат у лесного завала.
И вдруг на сосне над его головой
Кукушка незримая закуковала.

— Ответь, — он спросил, —
сколько жить мне сулит
Твое кукованье, лесная болтушка?
— Пока моя пуля к тебе долетит! —
Ответила с дерева басом «кукушка».

1943 г.
Действующая армия

Публикация
Л. И. Кедрин

15. VIII. 1941 г.

Начало на второй обложке.

Ленинградские кварталы гитлеровцы разбили на цели. Эрмитаж — цель № 9. Дворец пионеров — цель № 89. Больница имени Эрисмана — цель № 192...

По такому плану ежедневно совершались артобстрелы города и налеты фашистской авиации.

Главную ставку враг делал все же на голод. С 20 ноября 1941 года суточная норма выдачи хлеба рабочим сократилась до 250 граммов, служащим — до 125. Трагическую обстановку тех дней воссоздает запись в дневнике ленинградки А. Наумовой-Маккавеевой: «Сегодня ела лишь студень из столярного клея. Хотя бы для памяти запишу, какую дрянью я ела вообще в блокаду: лепешки из опилок, отруби, блины из обойной муки с клопомом. Но и это уж все давно съедено. С хлебом перебор. Нет воды на хлебозаводе».

Только за один день — 20 февраля 1942 года — в журнале учета на Пискаревском кладбище зарегистрировано 10 043 умерших.

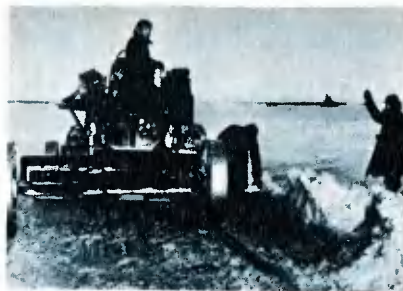
Зимой 1941/42 года раскрылся удивительный запас прочности советских людей, их способность в решающий момент «выдохнуть», отдать все силы победе.

Душой героических защитников блокадного города была ленинградская партийная организация, огромный отряд коммунистов, с отвагой и мужеством сражавшийся на переднем крае и в городе, который тоже являлся передним краем борьбы с фашистами.

Двадцать дивизий народного ополчения дал фронту Ленинград. Ополченцы — рабочие, инженеры, ученые. Коммунисты и беспартийные, в окопах, под беспощадным огнем врага они не переставали думать, как использовать свои знания, свой опыт для победы.

В штаб Военного совета Ленинградского фронта и в обком партии каждый день приходили тысячи писем. Читая их, поражаясь, сколько изобретательности проявили в те дни защитники города.

Для борьбы с танками безымянный солдат предлагал сделанный им в окопе бутылкометатель, позволяющий поражать танки бутылками с горючей смесью из укрытий. Один из ополченцев изобрел карманную грелку — коробок с тлеющим торфом. Этот коробок мог в те-

Потомок, знай! В суровые года
Варны народ, долги и Отчизна.
Через горы ладожского льда,
Отсюда мы веди Дорогу жизни,
Чтоб жизнь не умерла никогда.

Строки эти высечены в граните у деревни Ваганово, откуда в ноябре 1941 года пришел первый транспорт с хлебом для осажденного Ленинграда.

На снимках военного фотокорреспондента Б. Кудоярова — хроника ледовой эпопеи: не гася фар даже под обстрелом, идут в Ленинград машины; днем дорогу очищают от снега, обозначают воронки-полынья; над спасением грузов работают бригады ледолозов; осажденный город-герой получает продукты и боеприпасы.

чение нескольких часов согреть на морозе пальцы снайпера. Химик-пищевик изобрел на передовой таблетку из опилочных дрожжей. Она придавала киятку запах и вкус куриного бульона. Рабочий завода «Красный треугольник» сообщал, что на складе завода хранятся несколько десятков километров бензостойких шлангов. Он предлагал перебросить их через Ладогу и качать по ним горючее в Ленинград. Эта идея позже нашла воплощение в нефтепроводе, который был проложен по дну озера.

Из-за сильных штормов Ладога не замерзает целиком даже в сорокаградусные морозы. Свирепый ладожский ветер — сиверко — часто ломает лед: возникают трещины и разводья, то торосы. Ленинградцы покорили стихию. Они построили на Ладоге — на льду и по берегам — целый палаточный город с ремонтными мастерскими, стоянками для машин, складами, диспетчерской службой, медицинскими и питательными пунктами. В этом городе жили почти сорок тысяч человек, работавших на ледовой трассе.

Фашистам без бинокля было видно движение машин по ладожскому льду. Но ни обстрелы батарей, ни налеты авиации не смогли прервать поток грузов в осажденный Ленинград. Надежды, которые враг возлагал на голод, не оправдались.

Древнерусский град Китеж непобежденным ушел на дно на глазах изумленных завоевателей-татар. В первую блокадную зиму Ленинграда эта легенда ожила на Ладоге. Слово неустрашимый Китеж поднялся из ледяной пучины озера и засыл тридцатикилометровой улицы-трассой на зыбком ладожском льду. Здесь даже снежные бабы помогали воевать с врагом. Озябшие регулировщицы, которые сутками не уходили на берег, оставляли им свои фонари, чтобы указывать путь нескончаемому потоку машин.

И хотя в муке, которую везли через Ладогу, нередко попадались расплавленные кусочки свинца, «Дорогой жизни» называли в те дни ледовую трассу.

Воспоминания тех, кто ее создавал и работал на ней, слушайте на первой звуковой странице нашего журнала.

Олег ЧЕЧИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

г. Ленинград

ДОРОГА ЖИЗНИ

Каждый человек находит многое в окружающей его жизни — друзей, любимых, книги, которые он читает, музыку, которую он слушает, и так далее — по какому-то не всегда объяснимым потом законам и признакам. Точно так же есть у каждого дорожки ему места на земле. Не только те, где он родился и вырос. Там понятно: будь это огромный город или тихая деревушка, пустыня или тундра, они в нем самом, в его крови. Речь идет о других местах, выбранных его душой, родственных по характеру, по настроению, как бы схожих в чем-то с ним самим. Для меня такой найденный в жизни край — Север, не Арктика, не Заполярье, а старый русский Север.

Есть края разнообразие,
Есть места куда бойчей,
Но на свете нет прекраснее
Плавных северных речей,
Белых северных ночей.

Сперва я оказался по ту сторону Белого моря, в Карелии. В другой раз прошел с известной экспедицией Ф. В. Наянова, ранней весной, на речных судах, ломавших лед в Онежском озере, по Беломорскому каналу к студеному морю, где едва разошлись льдины и тюлены лежали на них в нескольких метрах от борта, потом по Северной Двине, навстречу стихийному молвому сплаву — бешено летящим по течению бревнам, а потом под соловьиным гром по Сухоне — к Вологде. Прошли ночью мимо Котласа. Я не знал тогда, что там живет и работает мой фронтовой друг, с которым в войну мы были вместе целых два года, — Борислав Николаевич Бурков. Потом мы нашли друг друга, и

РОДИНА МОЯ

БЕЛЫЕ НОЧИ СЕВЕРА

я опять приехал на Север, ставший для меня дорогим вдвойне. Эти замечательные места — по Северной Двине, Вычегде, Сухоне — тесное соседство старины и нового, основательные люди, поразительные краски — все это необыкновенно близко мне, и я благодарен судьбе за то, что она привела меня на Север.

А недавно я побывал там опять. От Архангельска мы с остановками поднялись до Котласа и, погостив недолго, вернулись обратно из Котласа в Архангельск. Многие люди, с которыми я общался, — журналисты, сплащики леса и,

конечно же, речники — капитаны, судовые механики и матросы — просили меня написать песню о Северной Двине.

Должен сказать, что за время знакомства с Севером у меня появилось немало стихов о тех местах, я даже объединил их потом под одной обложкой, в книге «Соловьиный коридор». Но песен о Севере у меня не было. Написать специально о чем-то для меня всегда очень трудно. Песни чаще всего рождаются неожиданно, как бы сами собой. Однако в моей практике были случаи написания песен на определенную, заранее заданную себе самому тему («Вы служите, мы вас подождем», «Алеша»). Необходимо только, чтобы тема эта была кровно близка, чтобы тема эта была кровно близка рога автору. Я люблю Север и его людей. И я обещал попробовать.

Вернувшись в Москву, я написал песню для песни. Музыку по моей просьбе исполнил мой давний друг и соавтор Ян Френкель. Он по натуре путешественник, бывал во многих местах, в том числе и на Северной Двине, и видел все своими глазами.

Мы будем счастливы, если наша песня зазвучит над далекими пристанями, над палубами теплоходов, над мурманскими водами — по Северной Двине, да и если и не «по всей ее длине».

Константин ВАНШЕНКИН
Северная Двина — Вычегда — Сухона

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Калейдоскоп красок: розовых — от туга, алых — от потока роз на улице Саят-Новы, синих — от высокого сарьяновского неба... Это мои воспоминания о Ереване. Воспоминания, сопровождаемые голосом, в котором счастье бытия, радость и отчаяние женщины, вечная нежность матери. Когда Ереван отмечал свое 2750-летие, этот голос в песне поведал людям, собравшимся на праздничный вечер, о многоликой истории города — от первой надписи на базальтовом камне — «Эрибуни» и до нынешних дней столицы Советской Армении.

Пела, открывая вечер, Раиса Мкртчян. Она всегда любила музыку, но не собиралась стать профессиональной певицей, не думала, что пойдет дальше вокальных упражнений.

В начале 60-х годов она окончила по классу фортепиано музыкальное училище, получила направление в город Севан на преподавательскую работу.

ную композитором и поэтом. Мне импонирует и ее многогранность: Мкртчян убедительно выражает и гражданские чувства и тихую нежность. — Так говорит о ней Арно Бабаджанян.

Другой композитор, тоже считающий певицу своим соавтором, Мартын Вартазарян, советует:

— Когда вы слушаете Раису Мкртчян, музыканта умного и одухотворенного, обратите внимание на ее удивительное чувство меры, присущее лишь настоящему художнику. Она находит дорогу к сердцу слушателя, не прибегая к броским краскам, как бы сдерживая свою эмоциональность. Слушая ее, радуешься зрелости мастерства артистки.

На восьмой звуковой странице журнала «Кругозор» вы услышите в исполнении Раисы Мкртчян песню А. Бабаджаняна «Благодарю тебя» на стихи Р. Рождественского и «Из глаз твоих» М. Вартазаряна на стихи А. Саакяна.

Галина МИЩЕВСКАЯ

акварели напева

Арно Бабаджанян, сам о том не догадываясь, круто повернул ее судьбу: кто-то, услышав Раису в самодеятельном концерте, посоветовал композитору записать с ней новую песню. После первой же записи на радио — приглашение стать солисткой Государственного эстрадного оркестра Армении...

— По-моему, мне просто везет, — говорит певица. — Все, что мне выпадало петь до сих пор, было интересно по мысли, языку, мелодии. Часто это народные песни, которые уже сами по себе источник вдохновения для исполнителя. Или песни Бабаджаняна, Вартазаряна, Амирянца — музыкантов, весьма чутких к стиху, слову.

— В манере пения Раисы Мкртчян, свободной от всяких модных налетов, сразу чувствуется пианистка. Она поет очень точно, обычно записывает песню, на радость звукорежиссерам, с первого раза. А незаурядность души помогает ей понять и как бы прожить в рамках одной песни человеческую судьбу, обрисован-

Известный математик Александр Данилович Александров мог бы сказать про себя словами Николаса Гильена: «Мне не один раз 60 — мне два раза по 30. Я не один раз стар, я два раза молод».

В его рабочем кабинете — светлой мансарде с окнами в сосновый лес — молодой, мятежный беспорядок. Листки со столбиками стихов...

— Я никогда не устал объяснять молодежи, что увлеченность ученого лучше всего выражена известными словами:

Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль...

Он мало изменился с тех пор, как уехал из Ленинграда в Новосибирск. Может, в этом «повинен» альпинизм...

— Альпинизм прекрасен. Прекрасно, когда человек ставит перед собой некую цель, ясно обозначенную, — вершина. Цель определенная и при всем том совершенно бессмысленная — лезть на гору. Для чего? Неизвестно. Это-то и есть важная вещь, потому что, когда что-то осмысленно, это «что-то» имеет назначение за пределами самого себя. А истина — только то, что имеет назначение в себе самом. Как любовь.

«Эпохой Александрова» называют в Ленинградском университете время, когда Александр Данилович был его ректором. Он преподавал на математическом, но на его лекции сходились студенты с других факультетов. Когда он легко избегал, будто взлетал, на кафедру и начинал говорить, мы слушали нашего учителя взахлеб и смотрели на него — и юноши, и девушки — влюбленно.

— Ученые — это не отшельники... Вы представляете себе Петергофский фонтан? Вот стоит Самсон — руководитель научного коллектива. Разрывает пасть льва. Этот лев представляет собой тайну, которую нужно открыть. Он разрывает ее, и оттуда бьет фонтаном идея, и вокруг не просто стоят какие-то скульптуры, которые эта идея поливает. Нет! Каждый со своей идеей включается в этот поток, и создается ансамбль, красивее которого трудно найти что-нибудь в мире! Вот что такое коллективное научное творчество! Это вот такой ансамбль, как Петергофские фонтаны, который брызжет на солнце гениальными научными идеями...

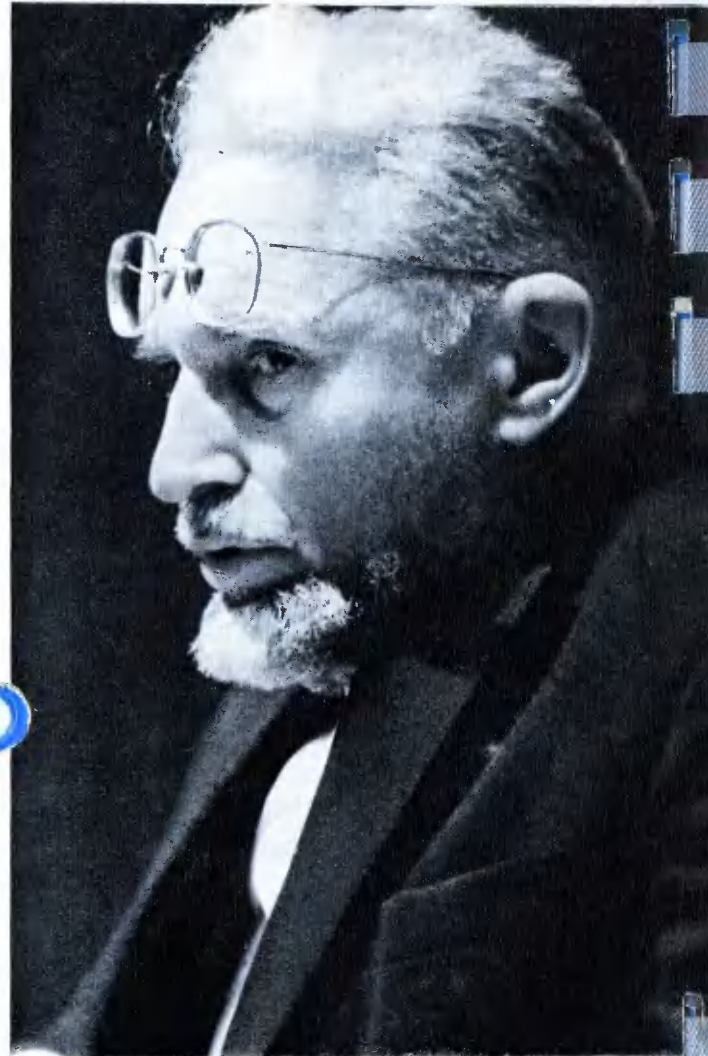
Докторскую диссертацию Александров защитил в двадцать четыре года. Когда 145 лет назад немецкий математик Гаусс впервые поставил вопросы: можно ли построить геометрию на поверхностях, которые не могут быть развернуты на плоскость, и какой же будет такая геометрия, — он не предполагал, что более ста лет эти вопросы останутся без ответа. Ответ нашли советские математики во главе с Александром Даниловичем Александровым.

Академика Александрова называют одним из основателей советской геометрической школы.

— Ученый — профессия или потребность?..

Об этом размышляет академик Александров на третьей звуковой странице.

Галина БЕЛЬСКАЯ
Фото А. Зубцова

Академик А. Д. АЛЕКСАНДРОВ:

УЧЕНЫЙ.
профессия
или потребность? 3

Василь МЫСЫК

Из бухарской тетради. 1934 г

НА МОСТУ

Ночь подступала, и звезды
Впитывали высоту.
У городского моста
Стоял я один на посту.
И вороное пространство,
Где вечно миры горят,
Притягивало властно
Ввысь устремленный взгляд.
Но был между мною и ими
Такой туман, что все
Печальными и больными
Казались бессмертной красе.
Глаза я протер — напрасно...
О звезды! Миры огня!
Жизнь понуро и властно
Застит вас от меня.
С вашей чудесной краской
Слезы мешает и пот.
Даже крови красной
В ваше вино подольет.
Чтобы раскрылась гордо
Ваша красота,
Мы, дети древнего города,
Не покидаем поста.
Ночь подступала и звезды
Впитывали
Высоту.
У городского моста
Стоял я один на посту.

ГОРОД ПОЭТОВ

Высоты Каршинских ворот надо мною
Прошли. Я под аркой — слушай, джура
Заснула, окутанная тишиною,
Матерь ислама, Эски Бухара.
Смотрел я, как нежны ее минареты,
Как дивны мечети — слушай, джура:

И вспомнив слова, что сказали поэты,
Примерил к обличью любого двора.
Они не пришлось ни к которому дому,
К двору не пришлось — слушай, джура:
Там вместо священного трубного грома
Скрипела в проулке арба гончара.
Голь утром из сточных канав вылезала,
Я сам это видел — слушай, джура:
А в норах лавчонок сидели менялы,
Считали доходы с чужого добра.
И к самому сердцу я принял все это
И вот что сказал — слушай, джура:
О город поэтов, еще не воспетый!
Прославить тебя — в том клянусь я —

пора!

Про ночи терпенья, что в пепле истлели,
Про славу былую — слушай, джура:
Споют и звончей и правдивей стрелы,
Чем все славословы твои, Бухара!

РАССВЕТ

Глаза приоткрыл я. Бледнел над горою
Восток. Азанчи над аулом кричат.
Вы спали, под головы седла пристроя,
Разбив среди ночи враждебный отряд.
Я голову поднял и речи платана
Услышал, неслыханные до сих пор,
И каждое слово в них было неожиданно,
И полон был тайны листвы разговор.
Слова те, как майские ливни, ласкали,
Лились на меня, и купали слова.
Не знал я, что в час, когда люди смолкали,
Такие беседы вели дерева.
И наши слова я, товарищи, вспомнил,
Слова, что звенят, словно сабли в бою,
Что душу нам ранят, что сердце нам

полнят

И краткую правду бросают свою.
Вы спали с клинками под боком, о братья
Вы спали тревожно — и виделось мне:
Не ласка покоя, а грозы проклятья
Застыли на ваших устах и во сне.
Глаза приоткрыл я. Бледнел над горою
Восток. Азанчи над аулом кричат.
Вы спали, под головы седла пристроя,
Разбив среди ночи враждебный отряд.

Светлана МЕКШЕН

ЗАВИСИМОСТЬ

Мы все зависим друг от друга,
как радиус от центра круга,
и знаем точно наперед,
кого затянет в центр вращения,
кто остановится в смущении,
кто просто в сторону уйдет.
Мы от самих себя зависим,
когда друзьям не пишем писем,
не отвечаем на звонки,
но и тогда мы тоже знаем,
кого молчаньем обижаем
и ждем кого в тисках тоски.
Ни от кого мы не зависим,
когда себя уже не мыслим
без страха, горечи, добра
того единственного слова,
с которым жизнь продлится снова
хотя бы только до утра.

Я в мир глядела честными глазами,
держась того, что просто быть должн
Застылась плакать напоказ слезами,
зато смеялась вслух, когда смешно.
Я уходила из любого дома,
опередив хозяйский взгляд на дверь,
и, может быть, мне лучше, чем другому,
понятен смысл: «Ты на слово поверь».
Я верила. Мне надо было верить
чужому слову, чтоб свое сказать,
не потому, что можно все проверить
и в случае чего переписать.
Я слову доверяла, как ребенку,
рисующему дом, забор и сад,
где в каждой завитушке столько толка
и столько правды — хоть и наугад.
И в том доверье было все богатство
души моей, спасенной от потерь,
с другой душой, соединенной братством
дыханья: «Ты мне на слово поверь».

г. Липецк

Рисунки А. Ганбурга

Как правило, хореографическая интерпретация прозы по сравнению с кинематографом и театром запаздывает. Терпсихора не торопится положить прелестивший ее томик романа к балетной рампе. Чем хронологически ближе источник либретто к нашему времени, тем труднее преодолеть барьер между условностью балетной речи и персонажами книги.

В «Анне Карениной» барьер взят, и уже потому спектакль — необыкновенный. Майя Плисецкая первой открыла пластический образ Анны, подойдя в балет-трагедии к Толстому. В этом ее победа. Композитор Родион Щедрин нашел принцип музыкальной и хореографической интерпретации образов романа — принцип полифонии контрастов.

Чисто схематически роман Толстого построен на контрастах последовательно описываемых событий. Вспомним: в любовное объяснение Кити и Левина вторгается телеграмма о болезни Анны. Свадьба Левиных — и бегство Анны с Вронским за границу. Рождение ребенка Ки-

ти совпадает с моментом гибели Анны. В либретто Бориса Львова-Анохина линия Кити едва прочерчена, а Левина нет вообще. Все укрупнено, сосредоточено на Анне, Вронском, Каренине, на контрапункте их судеб.

В спектакле контрасты чуть сдвинуты, но главное в силе их одновременного воздействия. Наиболее ярко это слышно и видно в сцене скачек. Два оркестра (духовой — на сцене, симфонический — на своем обычном месте) играют, поначалу совпадая друг с другом, потом расходясь. В этом соль находки Щедрина: конфликта двух музык в балете. Одна как бы скована этикетом (как скованы им и персонажи Толстого) независимости от того, облечена ли она в тихий рояль у Бетси или в трубы оркестра на скачках. Это музыка героев, их внешности, их костюма или мундира, их силуэта. И вот эта знакомая до боли музыка старого альбома начинает вдруг распадаться, и из нее вырывается крик Анны, тревога Вронского, напыщенные

ПРЕМЬЕРА
БОЛЬШОГО
ТЕАТРА

... И
ЕЩЕ
РАЗ

АННА КАРЕНИНА

контрабасы Каренина. Эта встреча, «вторая» музыка, музыка страстей и характеров, помечена 1972 годом. Отсюда и острота хореографии.

Над ролью Каренина бились балетмейстеры Наталья Рыженко, Виктор Смирнов и сам исполнитель — Николай Фадеев. Нужды нет в том, что каренинское «па» в виде «хода конем» заимствовано из одной старой роли актера Михаила Чехова. Оказывается, и драма годится для поисков хореографических неологизмов.

Вы помните в вахтанговской «Принцессе Турандот» немых слуг просцениума? В «Анне Карениной» это челядь — немой фон толстовского романа. В спектакле они образуют легкие соты театральных лож в сцене оперы; они, высоко подняв канделябры, освещают получившему орден Каренину путь вверх; они, стоя спиной к публике, образуют живой часток, сквозь который в стремительном лебедином полете прорывается Анна, спешащая к сыну. Этот ее бег — одна из счастливейших находок спектакля.

— Обычно актеры любят играть себя, — говорит актриса. — Я танцевала себя в «Кармен-сюите». Здесь я играю Анну такой, какой увидела ее в романе.

Смена картин идет в балете с ошеломляющей скоростью. Танцовщики и оркестр (дирижер Юрий Симонов) поддерживают накал балетного повествования. Принцип плотного киномонтажа виртуозно осуществлен художником Валерием Левенталем.

Работая над «Карениной», Толстой заболел о «сцепленных» мыслях. Завершив роман, писатель был горд достигнутым. «Своды сведены так, — писал он, — что нельзя и заметить, где замок». Эта возвышающая труд тщательность характерна и для работы энтузиастов «Анны Карениной» в Большом театре.

Артем ГАЛЬПЕРИН

М. Плисецкая и Р. Щедрин (снимок слева) вводят вас в мир образов спектакля на звуковой странице (режиссер В. Егоров). Фото Л. Лазарева, А. Макарова, Г. Соловьева

Утром Ирина Викторовна встала пораньше и уехала электричкой за город — встречать свой день рождения.

День был осенний. ей всю жизнь везло на осень — и родиться пришлось осенью, и замуж выходить, и с Никандровым встретиться, и Аркашку родить, и проводить его в армию — все-все осенью. Она любила осень, особенно раннюю.

День был тихий, с голубым небом, с прозрачными облаками, с почти уже безлиственными деревьями, с черными и бурными пашнями, с черно-белыми коровами, бродившими на взгорке неподалеку от зеленоватой, почти непроточной речушки...

За сорок пять лет она настолько прижилась в этом мире, что иногда он казался ей родственным и даже понятным, она ощущала, что где-то здесь, в огромной атмосфере, летают крохотные частицы, которые когда-то побывали в ее груди... Она их вдохнула и выдохнула, а где после этого они еще побывали, как расщеплялись, в какие соединения входили —

Я закончил роман и назвал его не совсем обычно: «Южноамериканский Вариант». Между тем действие романа происходит в обычной обстановке: в одном из научных учреждений и в наше время. С главной героиней романа читатель может познакомиться и в этом небольшом отрывке.

Сергей ЗАЛЫГИН

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

уже другое дело, и, что бы с ними ни случилось потом, все равно это были ее частицы. Была эта связь между нею и всем на свете, потому что все, что когда-нибудь касалось ее, тоже ведь становилось ею. Вот сейчас тихо в природе, безветренно, но она может ощутить на своем лице ветер. И дождь, и снег, и палящий зной. И воду рек, озер и морей, в которых она купалась когда-нибудь, и ощущение листьев, трав и цветов, которые держала когда-то в руках...

Далеко-далеко и высоко-высоко летит самолет — она и его знает даже на ощупь, осязанием чувствует его холодный фюзеляж, блеск металла, и тот угадывает в своих пальцах, хотя никогда не прикасалась к самолетам, а только к трапам, которые к ним подаются при посадке и высадке пассажиров...

Птица летит... Какая, какой породы — Ирина Викторовна не знает, но все равно чувствует мягкость ее пуха на груди, твердость ее крыльев, тепло ее тела и всю ее устремленность туда, куда она летит; червяк выполз из земли на землю, и его она знает: он тоже самолетно-холоден, она знает его скользкость, растяжение и сжатие его тела...

То есть она знает огромное множество предметов этого мира, искусственных и естественных, но одинаково видимых и осязаемых, а другое множество даже и не выдает ей своего существования вследствие своей малости или своей огромности, однако же она тоже знает и видит и молекулу и весь сразу Великий, или Тихий, океан.

Рисунок С. Юкина

Они существуют, а она — тоже, и эта общность существования дает ей понятие о них. Знания, книги и лекции профессоров — ничто по сравнению с чувством всеобщего существования, и единственно знания могут привести это чувство в действие.

Значит, так оно и есть: все окружающее существует в ней, а она — в нем... Очень это проявилось наглядно в день ее сококапитиления, а то обстоятельство, что она — женщина и ни на минуту не забывает об этом, еще и еще усугубляло ощущение, по которому все вокруг нее было поразительно разным, но только ради того, чтобы быть чем-то одним — одним всеобщим существованием. Тем самым, которое — природа и жизнь, само существование и движение которого — выше, чем смысл этого существования...

Есть такая восточная мудрость: собаки лают, а караван идет. Интересно: почему лают собаки? Наверное, в поисках того смысла, ради которого движется караван. Оно им непонятно, это движение, вот они и лают. Не надо лаять. Не надо быть посторонней собакой, ведь те собаки, которые идут вместе с караваном, не лают на него.

Тем более женщинам существование ближе, чем его смысл, они ведь не только существуют, но еще и сами создают существование. Они — тот якорь и тормоз, который удерживает людей в их природном существовании, а без тормозов люди стали бы только техниками, изобретателями, художниками, философами, кем и чем угодно, какой-нибудь плазмой, например, но только не людьми, как таковыми. Помимо женщин людям нужно очень многое: нужны знания, знания, умения, умения, умения, а жизнь не нужна, иной раз совсем ни к чему, лишь бы знать и уметь. И хорошо ~~ныне~~ ей было, хорошо, что высокие материи ничуть не отрывали ее от самой себя, а, наоборот, ее к самой себе приближали.

Ни с того, ни с сего что ли, а только между серьезными вспомнились вдруг ей и не очень серьезные дни, давно прошедшие, полузабытые. Их можно бы и забыть, да они не забываются, у них такое свойство.

В санатории когда-то, в Крыму, встретился ей человек, которого иначе и нельзя было назвать, как «смерть бабам»: высокий, красивый, щедрый. У таких любовь и спорт — одно и то же, вот он и начал брать очередной рекорд. Начать-то начал, но уже через неделю попался сам.

Ирина Викторовна сказала:

— А так вам и надо — не будете в другой раз везде и всюду заниматься спортом!

— Ну, мы еще посмотрим! — ответил он. — Впереди еще две недели, а ведь вы не прогоните меня сегодня же?! Ведь вам со мной интересно?

— Еще бы! — согласилась Ирина Викторовна. — Конечно, интересно, конечно, не прогону, только предупреждаю на берегу: ваш счет будет нулевым!

— Посмотрим, посмотрим!

И они стали смотреть.

Что верно, то верно — держался он великолепно, выдержанно, всегда понимал, что это — единственный шанс произвести впечатление, и действительно, впечатление он производил.

Куда они только не ездили по горным и даже по степным дорогам Крыма?! В каких ресторанах и забегаловках не сживали?! Ирину Викторовну иной раз брал страх — как бы выдержка не изменила Соискателю?

Крымские берега горели огнями и на Черное море тоже бросали свой земной свет, а по вершинам гор и над вершинами ярко и замкнуто, не отлучая от себя своего сияния, горели звезды, множество звезд, а по темной середине между двумя вершинами огней — земных и небесных — шла машина, и Соискатель наклонялся к ней близко-близко:

— Дыхание не перехватывает?

— Немного. Слегка.

— Вы не деревянная?

— Нет, несколько.

— Начинаю сомневаться!

— Давно пора!

Ну, а как было на самом-то деле, в действительности?

В действительности дыхание перехватывало. Временами сильно. Но всякий раз, когда это случалось, она вспоминала, что рядом с нею спортсмен. Конечно, она допускала, что он уже перестал им быть. Так ведь надолго ли? И ведь каждый спортсмен, когда он берет рекорд, прыгая в длину или в высоту, бросая диск или копье, тоже ведь забывает о спорте. Не надолго. Но спорт есть спорт — кто кого, кто сильнее, она не должна была об этом забывать. И не забыла; накануне того дня, как ей уехать из санатория, Соискатель поднял руки вверх:

— Сдаюсь! На милость победителя!

Милостей не было никаких, хотя в момент капитуляции он ей нравился больше, чем прежде, за всю минувшую двенадцатидневную, ни на что не похожую жизнь. Но ему нужна была победа, ей она нужна была тоже — он сам вызвал ее на двенадцатидневный марафон, и менять победу на поражение было тем же самым, что изменять самой себе, а это очень тяжелое занятие, хотя оно и дается легко: долго-долго потом не найти себе места и в настоящем и в будущем.

Ей нужно было самоутверждение, проверка самой себя, и впоследствии она ни разу не пожалела о том, что поступила именно так, а не иначе.

Ну, а если уж вспоминать, так в разное время бывали и еще какие-то в общем-то довольно милые Добровольцы. Они ее встречали, провожали, сопровождали, дарили ей безделушки, иногда пробовали письменно сообщать ей новости и ход своей личной жизни, а кое-кто из них разжигался ее телефонами и позванивал домой и на работу. Они доставали билеты в театр и в концерты, и даже был случай — Ирина Викторовна по такой вот протекции сшила платье в одном ателье, недоступном для простых смертных. Хорошее было платье. Как раз то самое, бордовое. Под цвет одного «Москвича».

Но все это корректно и бескорыстно, без дальнего и без ближнего прицела. Корыстных на все это не хватало, корыстные быстро отходили в сторону. А вот Добровольцы, те внесли свою положительную лепту в представления Ирины Викторовны о человечестве. Без них эти представления многое потеряли бы, оказались бы гораздо негативнее.

Они жили в Вероне. И любили в Вероне. И погибли в Вероне. И до сих пор Верона жива памятью о юных влюбленных, нашедших приют под ее сводами.

Шекспир поселил их в этом городе. И хотя там, наверное, сейчас ездят автомобили и пляшет электрическая реклама, та Верона тиха и величава — такой она живет в душах людей, в стихах, яростных и нежных, в каменной готике.

А эти живут в Вероне — как в прокопченном насквозь Бирмингеме, или Кардиффе, или Саутгемптоне, где по ночам кричат пароходы и неистовствует механическая музыка. Они носят камзолы, как кожу и джинсы, а парчу и бархат — как ширпотреб с дешевой распродажи. Они носят по сказочным и узким улочкам, как по автострадам, а дерутся, как в темной лондонской подворотне. Не замечая архаических шпаг и

видим сцену на балконе и мальчишку и девочку, несущихся друг к другу сквозь заросли аристократического сада, мы ни на минуту не вспомним, что сцена этой четыреста лет.

Дзеффиелли впервые рискнул доверить роли четырнадцатилетней Джульетты и шестнадцатилетнего Ромео их ровесникам. И риск оправдал себя. Классические роли сыграли театральная ученица из Аргентины Оливия Хассей и сын лондонского рабочего Леонард Уайтинг. Они принесли с собой в фильм дыхание молодого мира — мира шестнадцатилетних годов шестидесятых.

Древнюю сказку о бессмертной любви обрамляет простая мелодия. Она одна на весь мир и прозрачна, как родник. Ее написал знаменитый композитор кино Нино Рота. Он писал музыку к самым трагическим фильмам Феллини и Висконти.

МУЗЫКА КИНО

По просьбе
читателей

В. ИВАНОВА

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ

кинжалов, как на ножах, — неистово и окончательно. Пожалуй, эта сцена — лучшая в фильме Франко Дзеффиелли «Ромео и Джульетта». Когда разгоряченные юнцы сбрасывают с себя бархатные одежды и мчатся друг за другом по улицам с неистовым кличем. И бросаются друг на друга против всех правил романтического поединка. И рвут друг другу рубашки и, окровавленные, катятся по древним камням. Разве видим мы в этот момент, что над ними небо Вероны? Мы в самом деле где-то в дымных, нечистых переулках затаившегося современного бетонного гиганта.

Дзеффиелли поставил фильм в костюмах эпохи Возрождения, но разыграл драму современной любви. Это сегодняшние подростки, с их необузданными, яркими страстями, с их неприимностью и нежностью, с их максимализмом. И когда мы

Прославившись пронзительной нотой «Дороги», он принес с собой в сложно-психологический мир Феллини ясную чистоту и звонкую надежду. Даже в метаниях героя «Восьми с половиной» Нино Рота видит линию и перспективу, хотя здесь его муза, может быть, впервые так трагична и смятенна. Он же писал музыку к картине «Рокко и его братья», и его мелодия кажется плачем по обманутым надеждам луканских бедняков в кошмарном и душном мире большого города.

Нино Рота — вечный певец простоты в мире разорванной гармонии и смятенных чувств. Его музыка полна жизни и вселяет надежду. Она как глоток чистой воды...

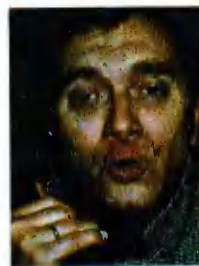
На звуковой странице фрагменты фонограммы фильма «Ромео и Джульетта»: пролог, сцена в саду, у патера Лоренцо.

ГОСТИ МОСКВЫ

Югославские музыканты — частые московские гости. Это касается и вокально-инструментального ансамбля Белградского радио и телевидения под руководством Саши Суботы... В последний раз ансамбль гастролировал в нашей столице осенью прошлого года. На звуковой странице «Кругозора» песенка Милана Суботы — солиста ансамбля — «Я гождь вам в дочери». Исполняет ее вокальный квартет: Милан Субота, Далиборка Стойшич, Лидия Кодрич и Жарко Данчо.

Испанский певец Рафаэль (Рафаэль Мартос Санчес — полное его имя), вторично побывавший в СССР, предложил читателям «Кругозора» две песни, которые открывают звуковую страницу: «Возьми» и «Завтра». Это песни о любви, о ее радостях, горестях и бедах.

Многоуважаемые посетители кабачка «33 1/2 оборота»! За последний месяц у нас было много переживаний: пропал Зиновий Гердт! С помощью комиссара Мэгре мы напали на его след в Париже, но артист — увы! — уже уехал в Гаагу. По сообщениям отдельных детективов, Гердта видели в городах, где гастролировал Центральный кукольный театр под руководством Сергея Образцова. В настоящее время следы Зиновия Гердта затерялись где-то в Подмоскowie. Он в отпуске...

Однако традиция есть традиция. Кабачку «33 1/2 оборота» нужен был Зиновий, и Зиновия нашли... в Московском театре сатиры. Правда, с другой фамилией.

Итак, Зиновий Высоковский, он же пан Зюзя из телевизионного кабачка «13 стульев», приветствует вас в «Кругозоре».

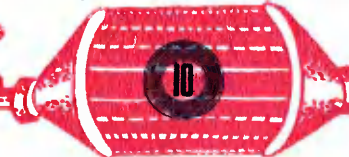
Что мне хотелось бы?

Мне хотелось бы познакомиться с вами с ревом тигра и радостным криком клиента химчистки, с полетом воздушных гимнастов и падением последнего бюрократа, но... всему свое время. Сегодня все в нашем кабачке посвящено одной теме — телефонным разговорам, а они могут быть разными...

Я познакомлю вас с ними.

С уважением

Зиновий ВЫСОКОВСКИЙ

Чингиз Айтматов,
писатель (г. Фрунзе).
Очерк и
звуковая страница
«Орлы и люди» (№ 11).

Юрий Кортнев,
мастер московского
завода «Динамо».
Очерк
«Вступая в новый день»
(№ 12).

Йонас Кубилиус,
академик, Герой
Социалистического Труда
(г. Вильнюс).
Звуковой монолог
о математике (№ 8).

Павел Нилин,
писатель.
Рассказ
«Старик Завеев» (№ 4).

премиями лучшие материалы, опубликованные в 1972 г.

Редакционная коллегия журнала «Кругозор» отметила

Ольга Воронец,
заслуженная
артистка РСФСР.
Очерк «Русская песня» и
звуковая страница (№ 10).

Игорь Ильинский,
народный артист СССР.
Рассказ актера
о мастерстве и
звуковая страница (№ 3).

Евгений Храмов,
поэт, публицист.
Очерки о Пушкине,
Горьком и
Собинове (№ 5, 7, 11).

кругозор

кругозор

1 (106) январь 1973 г.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

**ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ**

На первой странице
обложки:
**В мире профессий.
Металлургия.**
Рисунок художника
В. Семенова.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40
Сдано в набор
28. 11. 1972 г.
Б 05951. Подп. к печ.
14 XII 1972 г. Формат
60x84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3834. Цена 1 руб.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865. ГСП. Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

слушайте

в

номере:

1. И шли машины сквозь огонь. Вспоминают солдаты Ладоги.
2. На Тюменском меридиане. 744 часа из биографии нефтяной скважины.
3. Академик А. Д. Александров: каким должен быть ученый?
4. «Сон Татьяны». Читает Сергей Юрский.
5. Константин Ваншенкин: стихи о Севере и песня «По Северной Двине» (композитор Ян Френкель, исполняет Владимир Трошин).
6. Сердцем и памятью. Песни под гитару с молодежного конкурса.
7. Музыка Р. Щедрина к балету «Анна Каренина».
8. Поэт Ранса Мкртчян: «Благодарю тебя», «Из глаз твоих».
9. Композитор Нинно Рота: мелодии из кинофильма «Ромео и Джульетта».
10. Кабачок 33 1/2 оборота. «Разговоры по телефону»: вокализ А. Балы в исполнении ансамбля Венгерского радио и интермедия «Звонок из вытрезвителя».
11. Гости Москвы. Рафаэль (Испания): «Возьми» и «Завтра», ансамбль Саши Суботы (Югославия): «Я гоюсь вам в дочери».
12. Пит Сингер (США): «Снег» и песни протеста «Мы не пойдем», «Чистая вода».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

Он широко известный актер. Представлять его не надо, я лишь напомню: Чацкий в «Горе от ума» на сцене Большого драматического в Ленинграде, Остап Бендер в «Золотом тельнеке» на экране. Думаю, девятью из ста театральных режиссеров не выбрали бы его на главную роль в грибоедовской комедии. И не каждый режиссер кино отдал бы ему героя Ильфа и Петрова. Но постановщик «Горя от ума» Георгий Товстоногов и режиссер «Золотого тельнека» Михаил Швейцер отдали!

А ведь он совсем не пылкий красавец, громко произносящий обличительные монологи, каким мы привыкли представлять Чацкого. И нет у него «медального профиля» знаменитого командора автопробега Арбатов — Черноморск...

Когда роль поручают Юрскому, создатели спектакля или фильма рассчитывают заполучить соавтора. И получают его. То, что он сыграет, будет неожиданно, умно и парадоксально по рисунку.

Трудно обозначить его манеру однозначной формулой, но о его работах хочется сказать: так можно играть лишь сегодня!

Дисциплинированный темперамент, универсальная артистическая техника, непоколебимая убежденность в правильности

трактовки образа принесли С. Юрскому много побед на сцене и на экране. Он обдумывает своих героев как писатель, но играет их как артист. Хотя характер эмоций и интеллекта этих двух творческих профессий различны, в Юрском они соединились. Может быть, поэтому он так тянется к литературе, пишет сам и выходит на эстраду, чтобы читать. Но пишет он все больше о творчестве актера, а читает, чтобы продолжить театр, сыграть то, что на обычной сцене невозможно. Надо было заметить, что это не концерт мастера художественного слова — это именно театр одного актера, тут есть разница, тонкая грань: превращаясь в чтеца, исполнитель не забывает, что он актер. Мимика, движение, жест, костюм, детали реквизита аккомпанируют слову...

Юрский читает много, часто, разных писателей. Шоу и Зощенко, Пастернак и Бериса, Достоевского и Пушкина.

Пушкин — страсть его. Любитель парадоксов, он находит в нем высшую гармо-

линию жизни их автора. Артист рискует, предлагая нам не свою трактовку пушкинской вещи, но прежде всего Пушкина. И Пушкин этот не сразу доступен, он непривычен. Но вновь невероятная убежденность Юрского, реальность его фантазии, осязаемость его видения побеждают. Мы слышим, мы чувствуем поэта, творящего сейчас!

Он предпринял огромный труд — прочитать по телевидению, вечер за вечером, всего «Евгения Онегина». Он прочитал его не только как картину нравов и типов эпохи, но и как жизнеописание Пушкина, биографию его душевных состояний. Он стремился показать возникновение пушкинского стиха, но еще прежде — пушкинской мысли.

В его чтении сказываются большие знания, высокий уровень образованности, чувство стиля, времени и человека. Пушкин исполняется артистом непринужденно и гармонично, несмотря на всю многозначность его, пушкинского, театра. Слушая Юрского, вспоминаешь, словно мелодию, реплику пушкинского Моцарта, обращенную к слепому скрипачу: «Из Моцарта нам что-нибудь...»

Вот «Сон Татьяны». Начало. Поэт словно бы подавляет зевоту. Это еще автор, Пушкин, он в ночи! Но вот появляется Татьяна, она входит в сон — артист рассказывает так, как рассказывают сна сельские барышни, еще не отошедшие от страха, но боящиеся забыть виденное... Страшно! Ее схватил медведь, несет куда-то, слышится голос зверей, потом все смешалось, и «враз верхом на пауке!». Но сон вещий, в нем царит ее дневной идеал — Евгений. «Мое!» — сказал Онегин. Желанное и страшное. И чудища расступились... И входит Ольга — легкомысленная, игравая, даже во сне. А за нею Ленский. Онегин берет нож... Вдруг мы понимаем, что это предчувствие. И уже слышится не голос барышни со сна, а голос поэта, давление его мысли в интонации стиха...

Но сон кончился, и светлая нота Моцарта — морозное солнце в комнате Татьяны, морозное солнце в кабинете поэта. Ну что ж, обратимся к нашей звуковой странице и попросим Сергея Юрского: из Пушкина нам что-нибудь...

А. СВОБОДИН

нию. И вот еще что: он читает не только стихи, не только произведения Пушкина, он читает как бы самого Пушкина. Он стремится прожить и понять жизнь поэта в тот самый момент, когда создавалось стихотворение или поэма. Это заметно в его чтении, кажется здесь простым и единственно возможным.

Потом понимаешь, что это и есть самое трудное: за строчками стихов прочертить

ИЗ
ПУШКИНА
НАМ ЧТО-НИБУДЬ...

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

ПИТ СИГЕР

Одиннадцать лет назад мистеры из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности освободили из тюрьмы автора и исполнителя песен протеста Пита Сигера с условием — начинать концерты не раньше двенадцати ночи и не позже восьми утра. Сигер стал появляться на сценах Америки ровно в полночь, доставал свое банджо, и старое начиналось сызнова.

Сигер — человек-оркестр. Он поет сам, дприжирует аудиторию и успевает еще подсказать публике слова своих песен. Впрочем, иногда обходится и без подсказки. «Знаете ли вы, — говорит Сигер, — что американскую песню № 1 за 1970 год ни разу не пускали в США ни по радио, ни по телевидению? Но каждый американец моложе двадцати пяти знает ее наизусть. Это джазовая сатпра по поводу агрессии США во Вьетнаме».

Репертуар Сигера одинаков у себя дома и за дверьми страны. Во время турне по СССР в 1964 году он спел московским студентам про «Короля Генри», который шел на войну в XVI веке, и про теперешнего американского солдата, шествующего по королевскому следу в веке XX. И вот в «Нью-Йорк таймс» новьяется: «Сигер поет против Америки». Песня показала опасной господам из общества Джона Бэрча, и они решили сорвать концерт Сигера. Затея провалилась. Сигер торжествовал победу — одну из многих.

Сейчас Питу пятьдесят два года. Его отец — музыковед. Именно он когда-то и взял Пита в горы послушать народную музыку и посмотреть танцы. «Я сразу влюбился во все это, — говорит Пит, — и на всю жизнь». Он стал собирать фольклор, обрабатывать его, коллекционировать диковинные инструменты.

Однажды я увидел в его руках круглый камень. «Это не музыкальный инструмент, — сказал Пит, — а молот. Древнейший молот каменного века. Дар молодых новозеландцев, после того как я спел им песню «Если бы у меня был молот».

Вот слова этой песни-эпиграфа к творчеству Пита Сигера: «Если бы у меня был молот, я бы бил им с утра до вечера. Я бы бил по несправедливости, я ковал бы дружбу между людьми».

Николай БУРЛАК

Цена 1 руб.